
Повседневная жизнь советских окруженцев в «котлах» 1941–1942 гг.

Ларионов А. Э.

В статье описываются и анализируются наиболее значимые черты повседневной жизни бойцов и командиров Красной Армии в условиях окружений первого периода Великой Отечественной войны. Рассмотрены проблемы взаимоотношений, питания, санитарного обслуживания, морального состояния попавших в окружение войск, сделаны выводы об экстремальности самого пребывания в окружении и драматической насыщенности повседневной жизни попавших в него военнослужащих, их стойкости, героизме и вкладе в конечную победу над немецкими захватчиками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная повседневность, моральный дух войск, питание и санитарное обслуживание, взаимоотношения, жизнь и смерть.

The author describes and analyses the most important things of the Red Army military daily routine in the conditions of entrapments of the first period of World War II. The focus is laid on relations, meals, sanitary, moral conditions of entrapped troops, which leads to conclusions on the extremeness of being entrapped and on the dramatic intensity of the daily life of entrapped soldiers, on their tenacity, heroism and contribution to the victory over German invaders.

Key words: World War II, war routine, army morale, meals and sanitary, relations, life and death.

Военная повседневность — явление необычайно ёмкое и многогранное. Тем более это справедливо в отношении Великой Отечественной

войны, вместившей в себя десятки миллионов человеческих судеб на огромном географическом пространстве в самых разных обстоятельствах. Красная Армия начинала войну в обстоятельствах, казавшихся многим гибельно-безальтернативными, а закончила ее в Берлине, когда столь же безальтернативной представлялась её всепобеждающая мощь. Когда мы говорим о повседневной жизни солдат и офицеров (для 1941–1942 гг. — бойцов и командиров) Красной Армии, то должны учитывать радикальные перемены исторической обстановки, произошедшие за четыре военных года. Подобно всякому историческому феномену, военная повседневность не статична, а динамична, изменчива, она подчиняется внешним обстоятельствам и сама воздействует на них. В этом кроются также и диалектика ее существования и закономерности развития.

Без знания о предшествующем невозможно адекватно понять последующее. Картина повседневной жизни Красной Армии во втором и третьем периодах войны будет во многом непонятной и неполной без соответствующих реалий первого, самого тяжелого периода военных действий. Одной из самых ярких и трагичных страниц первого периода войны стали различные по масштабам окружения или «котлы», ставшие настоящим кошмаром для рядовых и командиров всех рангов. За период 1941–1942 гг. РККА пришлось пережить несколько крупных окружений фронтового и армейского масштаба.



Цели фашистов в России [12]

В «котлах» различного масштаба оказались несколько миллионов военнослужащих. Большинство из них погибли в процессе ликвидации окружений германскими войсками и их союзниками, либо впоследствии — уже находясь в немецком плену. Выжить удалось немногим. Вот красноречивая цифра: согласно архивным данным, в немецком плену оказалось от 3,5 до 5 млн чел. (Следует указать на различную методику подсчета военнопленных в СССР и в Германии в период войны: в то время как германское командование в разряд пленных включало всех мужчин призывного возраста, оказавшихся в плену на данной территории, советское командование к военнопленным относило тех, кто на момент пленения пребывал на действительной военной службе). Из этого количества было освобождено в конце войны порядка 900 тыс. чел. Какая-то их часть, будучи снова включена в состав действующей армии, неизбежно погибла, следовательно, выжить и дожить до нашего времени удалось очень немногим.

Наиболее крупными «котлами» фронтового масштаба в 1941 г. явились следующие: окружение главных сил Западного фронта 22–28 июня 1941 г. под Белостоком и Минском; окружение сил 6-й и 12-й армий в районе Умани в августе 1941 г.; окружение главных сил Юго-Западного фронта в конце августа — первой половине сентября 1941 г. (печально знаменитый Киевский

котел); окружение войск Брянского и Западного фронтов в начале немецкой операции «Тайфун» 2–8 октября 1941 г. В 1942 г. такого количества катастроф стратегического масштаба уже не было. Тем не менее, в результате ряда причин во 2-й половине мая 1942 г. в окружении под Харьковом оказались соединения Юго-Западного фронта; кроме того, на протяжении нескольких месяцев 1942 г. (с января) вели бои в окружении части 33-й армии, 4-го воздушно-десантного кор-

пуса и 1-го гв. кавалерийского корпуса; наиболее трагическим окружением армейского масштаба стало окружение 2-й ударной армии в лесах под Любанью и Мгой летом 1942 г. при попытке деблокировать Ленинград [6. С. 3–5; 7. С. 3].

Столь подробное перечисление окружений потребовалось для того, чтобы ясней стала основная мысль данной статьи: жизнь в окружениях различного масштаба стала одной из констант повседневной жизни РККА в первом периоде войны, в которую оказались вовлечены несколько миллионов человек военнослужащих. Следовательно, правомерно проанализировать эту страницу военной повседневности в качестве самостоятельной грани в истории военной повседневности в годы Великой Отечественной войны. Этот анализ обладает определенной спецификой. Число выживших в окружениях невелико. Архивные документы отрывочны и не могут отражать фактов с той же полнотой, когда дело касалось устойчивой обороны или успешного наступления. Основным источником информации о повседневной жизни в окружениях могут служить именно воспоминания бывших «окруженцев», частично публицистические произведения военных журналистов, таких, как Евгений Долматовский, Сергей Смирнов, основывавших, однако, свои произведения также на воспоминаниях непосредственных очевидцев и участников событий.



Брянск. Октябрь 1941 г. [12]



Военнопленные красноармейцы [12]

Само понятие «повседневная жизнь в окружении» является определенным эвфемизмом, поскольку окружение — по определению ситуация экстремальная. Нормальный уклад жизни армии в нем неизбежно нарушался. Однако в своей совокупности эти нарушения и экстремальные условия складывались в определенную картину, устойчиво повторяющуюся от «котла» к «котлу». Важнейшим, рубежным моментом являлось, в данном случае, осознание самого факта попадания в окружение солдатским и командным составом. Это осознание определяло взаимоотношения людей, их поведенческие

реакции, моральный дух и конкретные поступки. Понимание того, что воинская часть, подразделение или соединение оказались в окружении, приходило по-разному, зависело от конкретных условий. Для старшего и высшего командного состава на уровне от дивизионного до фронтового звена включительно и по своему положению владеющего полной информацией знание об окружении приходило достаточно быстро, иногда в момент его возникновения, а предчувствие его — иногда и раньше, как только ощущался выход ситуации на том или ином участке фронта из-под контроля.

Например, штаб и военный совет Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. получил информацию о наметившемся немецком окружении за два дня до соединения в районе Лохвицы (около 100 км южнее Конотопа) частей 1-й и 2-й немецких танковых групп 12 сентября 1941 г. (командующий 1-й тгр — генерал-полковник Эвальд фон Клейст, 2-й тгр — генерал-полковник Гейнц Гудериан).

Вот как рассказывает об этом в своих мемуарах бывший начальник оперативного отдела штаба ЮЗФ И.Х. Баграмян: «Во второй половине 12 сентября позвонил генерал Фекленко [Фекленко Н.В., генерал-лейтенант, в первые дни войны командовал 19-м механизированным корпусом, во время сражения за Киев — 38-й армией] и попросил меня срочно вернуться на его командный пункт. Здесь я услышал неприятную весть. Пока мы пытались очистить плацдарм у Дуриевки, генерал Клейст скрытно переправил в район Кременчуга свои танковые и моторизованные дивизии. Утром 12 сентября они...рассекли фронт

297сд и устремились на север...Нетрудно было догадаться — Клейст устремился навстречу Гудериану» [1. С. 176–177].

Для рядового и младшего комсостава, чей оперативный кругозор ограничивался разграничительной линией с ближайшими подразделениями, информация поступала с более или менее значительным опозданием, когда было уже поздно что-либо менять и окружение становилось печальной реальностью, в условиях которой приходилось приспособливаться и выживать. Характерным в этом смысле является рассказ о своем попадании в окружение московского ополченца Вадима Шимкевича, ветерана 2-й дивизии народного ополчения: «30 сентября батальон был поднят на ноги под гром орудий и бомбовых ударов. Откуда я мог предполагать, да и никто из нас не знал, что несколько часов назад к югу и северу от Ельни немецкие танковые корпуса прорвали Западный фронт и, давя наши армейские тылы, разворачивают наступление, пройдя десятки километров в глубину нашей обороны... Наконец мы дождались (7–8 октября), когда командиры объявили нам главное: батальон, сосредоточенный в районе Вязьмы, в окружении» [1. С. 137, 152]. Как известно, к 7–8 октября 1941 г. немецкие подвижные соединения, реализуя план ОКВ (Oberkommandowermacht — Верховное командование сухопутных войск) «Тайфун», прочно замкнули кольцо окружения восточнее Вязьмы, в которое попали части 6 армий. Большинству красноармейцев не было суждено вырваться к своим. Они были «винтиками» большой войны, так что в сложившихся обстоятельствах их судьба была предрешена.

Важнейшей чертой пребывания в окружении, которая и определяла специфику повседневной жизни, была изолированность от главных сил своих войск и, как неизбежное следствие — отсутствие устойчивого снабжения, связи с высшим командованием, достоверной информации об оперативной обстановке. Как можно убедиться из мемуаров солдат и офицеров, переживших окружение, сам факт его осознания далеко не сразу отражался на про-

цессе повседневной жизни отрезанных частей и подразделений. Армия — очень инерционная система, многие механизмы которой поддерживаются почти автоматически. Взаимоотношения людей определяются иерархией и субординацией, каковые сохранялись и в окружении. Однако чем дольше находились люди в окружении, тем большим трансформациям могли подвергнуться определяемые военными уставами взаимоотношения между ними. Да и само поведение окруженцев начинало испытывать существенные девиации от, казалось бы, незыблемых армейских эталонов и стереотипов. В условиях массовой гибели сослуживцев, в том числе командиров и политработников, ощущения безнадежности своего положения или, как минимум, бессмысленности дальнейшего сопротивления, могли проявляться признаки паники, трусости, дезертирства и даже прямого предательства. Это не было господствующей тенденцией, но нередко становилось достаточно типичным. Ветеран войны С.Г. Дробязко приводит характерный случай подспудного падения морального духа некоторых своих сослуживцев тяжелым летом 1942 г. в Кубанских степях, где его батальон прикрывал отход главных сил и оказался в окружении: «На одной из остановок, прислушиваясь к...разговорам, я понял, что у одного из них (солдат) имеется тетрадка с переписанной немецкой листовкой-пропуском. Были такие листовки, в которых предлагалось бросать оружие и переходить на сторону немцев. Предъявившим листовку обещали жизнь и пищу...» [4. С. 38].

«Вот идет группа человек в шесть... Видя впереди разрывы, один из них кричит с надрывом:

— Я не могу, я этого не вынесу! — и лихорадочно срывает петлицы. Второй ему спокойно говорит:

— Ты знаешь, что за это расстреливают?

И опять истошный голос:

— Всё равно конец, кругом немцы!» [5. С. 81–82].

Таким образом, панические или пораженческие настроения в условиях окружения могли охватывать большие или меньшие группы во-

еннослужащих, особенно, если рядом не было командиров и политработников, способных пресечь распространение подобных настроений пресечь. То есть раньше или позже утрата командования и связи способствовали постепенному дрейфу армейских подразделений в сторону неуправляемой толпы, охваченной паническим стремлением выжить. Тем не менее, поддавались этой тенденции далеко не всякие. Немало имеется примеров безукоризненного исполнения воинского долга, готовности претерпеть любые трудности, но выйти к своим либо оказать захватчикам все возможное сопротивление.

Помимо морального состояния, в повседневной жизни попавших в окружение красноармейцев имелись и иные специфические стороны, касавшиеся также и материальных вопросов. Отсутствие постоянного снабжения выводило на первый план проблему обеспечения продовольствием. Чем продолжительнее было пребывание в окружении, тем острее она становилась. Нередко именно отсутствие еды служило побудительным мотивом для добровольной сдачи в плен. В определенный момент единственным источником добычи пропитания для окруженцев становились контакты с местными жителями, что неизбежно повышало риск нарваться на немецких солдат, грозило пленением или смертью.

Николай Иноземцев в своём фронтовом дневнике описывает питание во время выхода из «Киевского котла» осенью 1941 г.: «На ходу едим хлеб и помидоры, вынесенные какой-то старушкой. Прошли ровно сутки с тех пор, как ели последний раз. Отмахали километров 12–15, больше идти нет сил. Какое-то село. Заходим в хату. Хозяева начинают разогревать борщ, картошку. Пьем спирт из противоипритовых пакетов, обедаем. Глаза буквально слипаются. Замертво падаем на солому...» [5. С. 83–84].

Казалось бы, в подобных обстоятельствах естественно было ожидать широкого распространения индивидуалистических настроений, проявлений эгоизма, взаимной враждебности в борьбе за скудную порцию еды. В действительности такое поведение отнюдь не было си-

стематическим. Практически все фронтовики, кому посчастливилось выжить в окружениях, свидетельствуют о высокой степени взаимопомощи и взаимовыручки, готовности прийти на помощь товарищам, поделиться с ними последним куском — конечно же, в тех случаях, когда подразделения и отдельные бойцы не теряли воинского духа и продолжали ощущать себя солдатами, не бросали оружия и не забывали присяги. Процесс питания в окружении имел также ту особенность, что практически исчезала грань между рядовым и командным составом. Такие понятия, как офицерский дополнительный паек, отдельный стол для генералов и полковников, часто попросту теряли всякий смысл. Имеющаяся в наличии еда или та, которую удавалось раздобыть, попросту делилась между всеми товарищами по окружению, никто из мемуаристов ни разу не говорит о попытках утаивания и единоличного поедания продуктов. Очевидно, такое представлялось немыслимым, попросту невозможным. Выражение «делиться последним куском» в данном случае отнюдь не было преувеличением или громкой фразой.

«Вскоре, откинув брезент, заменяющий дверь, в блиндаж вошел боец.

— Здравствуйте! Покушать вам принес, командир роты приказал. Вот вам ваша каша. — Он с трудом снял с плеча вещмешок, где было тушеное мясо в банках, хлеб и махорка.

Большаков благодарит бойца за продукты и за внимание.

— Да чего там, пустое!» [11. С. 97].

Однако иногда в окружении и в отступлении, которые часто сливались воедино, происходили случаи, которые невозможно объяснить с позиций здравого смысла — перед приходом немцев происходило уничтожение военного имущества, причем даже тогда, когда имелась возможность спасти хотя бы часть его, раздав сражающимся в непосредственной близости красноармейцам: «Епифанов кивает в ту сторону, откуда он пришел, спрашивает:

— Там все что-то горит и дымит?

— Это продовольственные склады подо-

жгли. Жгут их и охраняют какие-то спецчасти. Бойцы просили их не сжигать, а раздать нам, голодным.

— Нет, не подходи, стрелять будем, ответили нам. Вы б знали, как там вкусно пахнет жареной колбаской, да ещё и духовитой тушёнкой, да поджаренным хлебом. Понюхаешь, но сыт не будешь» [11. С. 145].

Аналогичные эпизоды можно неоднократно встретить на страницах «солдатских мемуаров». Как уже сказано, рационально объяснить доведенное до абсурда выполнение приказа о тактике выжженной земли едва ли возможно — не одна солдатская жизнь могла быть спасена благодаря раздаче имущества и продовольствия, которое в любом случае обречалось на уничтожение.

Порой ситуация с питанием становилась катастрофической, когда не только оказывались перерезанными линии снабжения, но не было и возможности получить помощь от местных жителей. Именно так сложились обстоятельства при окружении под Мгой и Любанью частей 2-й Ударной армии. Поскольку боевые действия велись в болотисто-лесистой местности, очень редконаселённой, постольку надеяться на сколько-нибудь серьёзное подспорье в обеспечении едой со стороны местных жителей не приходилось. После того, как германские войска стали перерезать коридор, соединяющий части армии с «большой землей», прежде всего это отразилось на положении с продовольствием. Вот одно из характерных и типичных для того периода свидетельств: «С апреля (1942 г.) мы ни разу не получали нормального питания, да еще половину марта провели в окружении, голодая. Вот обычный суточный рацион нашего питания — 150–200 г концентрата пшеничной каши на 10 человек, каждому столовая ложка сухарных крошек и иногда чайная ложка сахарного песка, а соли совсем не было. Если в полку убивало лошадь, то ее делили на все батареи. На каждого доставалось не более 100 г мяса, его варили, макали в сахарный песок и ели. Немало дней было и без сухарных крошек, и без сахара» [2. С. 319]. Подобными рассказами изобилуют

мемуары окруженцев. Здесь обращают на себя внимание два момента: сохранение людьми боеспособности и готовности к борьбе до конца вопреки нечеловеческим условиям, когда ни наесться досыта, ни обогреться в условиях сплошных болот было невозможно месяцами; во-вторых, высокий уровень человеческой солидарности, готовности прийти на выручку товарищу. Бесспорно, что именно последнее обстоятельство служило важнейшим залогом поддержания частями 2-й УдА боеспособности в совершенно безнадежных условиях.

Можно строить различные предположения о причинах такой солидарности. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с ярким примером проявления механизмов традиционного общества по поддержанию коллективной жизнеспособности, что вполне соответствует базовому коду Русской цивилизации, пусть и подвергшейся существенной трансформации после 1917 г.

Не менее проблематичной, нежели питание, была организация медицинского обслуживания раненых бойцов и командиров в условиях окружений различного масштаба и длительности. Основной трудностью во всех случаях была острая нехватка медикаментов, а зачастую полное их отсутствие, так что медицинская помощь часто оказывалась чисто символической, что вело к неизбежному росту смертности, в том числе и тех раненых, которые при более благоприятных обстоятельствах были бы спасены. В этом случае также исчезало понятие военной иерархии — помощь оказывалась тем, кто в ней прежде всего нуждался, вне зависимости от звания и должности. Такова была специфика жизни в окружении.

В качестве примера медобслуживания в окружении можно привести фрагмент рассказа одного из тех солдат, кто почти чудом остался жив в «Вяземском котле» осенью 1941 г., сумев впоследствии пробиться на восток: «Пуля попала мне в ногу — в правую стопу навывлет. Сразу полсапога крови... Пришел я в лазарет, говорю врачу:

— Помоги чем-нибудь.

— А чем я тебе помогу? Видишь, ничего нет. Ни бинтов, ни медикаментов, — отвечает.

— Да хоть отрежь мне пальцы. Болтаются...

— У меня, — говорит, — нечем тебе пальцы резать, даже топора нет. — Потом нагнулся, посмотрел:

— Ничего тебе отрезать не надо. Заживет. Тогда я стал перевязывать себя сам. И остался в лазарете» [9. С. 41–42].

В ряде мемуаров сообщается, что нередко вся медицинская помощь сводилась к промыванию раны проточной водой, перевязке из подручных средств, в случае тяжелого ранения — безнаркозного извлечения пули или осколка, либо ампутации конечности — также без наркоза, в лучшем случае наркозом служил стакан водки или спирта.

Анализ повседневной жизни частей РККА в окружениях 1941–1942 гг. будет заведомо неполным, если не остановиться на таком моменте, как соотношение жизни и смерти, а также их восприятие самими участниками боев в окружении. Гибель на войне, тем более, такого масштаба, как Великая Отечественная, была часто закономерным явлением. Однако в окружении ее вероятность повышалась еще в большей степени. Это объясняется тем, что нигде больше, кроме как в окружении, повседневность не переплетается столь тесно с собственно боевыми действиями, а жизнь со смертью почти до полного исчезновения границ между ними. Смерть боевых товарищей окончательно превращалась в абсолютно обыденную деталь действительности, становилась, как ни дико это звучит, полноправным элементом повседневности. Удивление часто вызывала не смерть, а случайное ее избежание, выразившееся примерно такой мыслью: «Неужели я все еще жив?!»

Смерть угрожала бойцам и командирам в бою и на отдыхе, во время еды или сна, при попытке вырваться из окружения или просто укрыться от авианалета и артогня. Описания гибели товарищей занимают значительную часть воспоминаний бывших окруженцев. Бойцы постепенно свыкались с мыслями о неизбежности собственной гибели. В качестве характерных

примеров можно привести несколько отрывков из мемуаров:

«Обстановка сложилась очень тяжелая. Площадь — 2 на 2 км, занятая нашими войсками, насквозь простреливалась. Всюду лежали убитые и раненные. Кто бредил, кто лежал в воде и просил пить, кто просил перевязать, а кто просил пристрелить, потому что самому это сделать уже не было сил... Застрелился комиссар нашего дивизиона старший политрук Долинский...» [2. С. 323].

«Ветер толкал нас в спину, мы шли в 5 метрах друг от друга. Но и ста метров не прошли, как навстречу нам полоснула пулеметная очередь... Хомутов остановился, пошел боком-бокком от меня и упал..., лежал вниз и дергался в конвульсиях...» [11. С. 187].

Подобных случаев одиночной или массовой гибели красноармейцев, оказавшихся в окружении, можно привести множество. Те же, кто уцелели, продолжали свой трудный и часто почти безнадежный путь на восток. Голодные дни, холодные ночи под открытым небом, в лесах и болотах, без надежды обсушиться и обогреться, постоянный страх нарваться на немцев или быть схваченным полицаями, почти полная неизвестность о нахождении линии фронта, очередные смерти товарищей или случайных попутчиков — всё это сливалось в сплошную пелену, где уже не различалось времени суток, притуплялось чувство голода, явь мешалась с голодными галлюцинациями — таковы были во множестве картины повседневной жизни в окружениях 1941–1942 гг. Исход мог быть разным: безвестная гибель, плен и концлагерь, нахождение убежища у местных жителей и последующий уход в партизанские отряды, как самый счастливый вариант — прорыв к своим. Однако те, кто побывали в окружении, единодушно вспоминали о нем как о самом тяжелом факте своей военной биографии, в котором события спрессовывались настолько плотно, что каждый прожитый день можно было смело приравнивать к году обычной жизни.

Завершая настоящую небольшую статью, хотелось бы сказать о невозможности изложить все факты повседневной жизни солдат и офице-

ров Красной Армии в окружениях начального периода войны. По необходимости приходилось выбирать наиболее яркие и характерные примеры для иллюстрации важнейших тенденций и тезисов.

В заключение следует отметить также следующее. При всем драматическом накале, даже трагизме картин повседневной жизни советских окруженцев следует помнить, что своим геро-

измом и жертвенностью, страданиями за границу возможного и мученической кончиной они внесли свой вклад в остановку ранее не знавшей сбоев машины германского блицкрига, а значит — и в конечную победу над ним, хоть большинству из них не было суждено дожить до нее. Тем более благодарной и прочной должна быть наша о них память.

Литература

1. Баграмян И. Х. Так шли мы к Победе. – М., 1988.
2. Долина смерти: трагедия 2-й ударной армии / Автор-составитель Изольда Иванова. – М., 2009.
3. Долматовский Е. А. Зеленая брама. – М., 1989.
4. Дробязко С. Г. Путь солдата. – М., 2008.
5. Иноземцев Н. Н. Фронтовой дневник. – М., 2005.
6. Исаев А. И. «Котлы» 1941г.: пять кругов ада Красной Армии. – М., 2005.
7. Исаев А. И. Когда внезапности уже не было. – М., 2006.
8. Исаев А. И. Краткий курс истории ВОВ: наступление маршала Шапошникова. – М., 2005.
9. Михеенков С. Е. В донесениях не сообщалось: жизнь и смерть солдата Великой Отечественной. – М., 2009.
10. Советская военная энциклопедия. Тт. 1–8. – М., 1976.
11. Шимкевич В. Н. Судьба московского ополченца. – М., 2008.
12. Иллюстрации: <http://pretich2005.narod.ru>. Дата обращения: 12.04.2010.